

Виктор Юрьевич Копров
(Воронеж, Россия)

СЕМАНТИКО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ СИНТАКСИС: СУБЪЕКТНО-
ОБЪЕКТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ НА ФОНЕ
АНГЛИЙСКОГО И ВЕНГЕРСКОГО ЯЗЫКОВ

Abstract: This article describes the main provisions of the semantic-functional comparative syntax of Russian, English and Hungarian languages in the field of subject-object relations. Semantic differences between the constructions are described. Main results of the research are applied to teaching Russian as a foreign language to Hungarian students speaking English.

Keywords: Semantic-functional comparative syntax, Russian, English, Hungarian, subject-object relations, grammatical categories.

Введение. В последние десятилетия происходит смещение фокуса лингвистических исследований с системоцентрической парадигмы к коммуникативно-прагматической. В этой активно формирующейся парадигме центральное место занимают функциональные описания языка.

Функциональный подход имеет прямой выход в практику преподавания языков как иностранных, поскольку овладение навыками выбора адекватных форм в процессе создания высказываний и текстов на иностранном языке происходит быстрее и эффективнее путем усвоения целых семантико-функциональных комплексов. К сожалению, несмотря на актуальность, несомненные достоинства и довольно длительный период развития, пока нельзя сказать, что в функциональной грамматике уже решены все теоретические и прикладные проблемы.

В центре нашего внимания находятся проблемы разработки практически ориентированного, «университетского» **семантико-функционального** синтаксиса. Перечислим его основные положения.

1. Компетентностный подход к обучению иностранным языкам и переводу выдвинул на передний план необходимость выявления механизмов, обеспечивающих адекватное оформление синтаксическими средствами предметных ситуаций. Поскольку одно и то же номинативное содержание может быть реализовано несколькими синтаксическими конструкциями, чрезвычайно важно выявить и описать существующие между конструкциями отношения: вариантность, синонимию, дополнительность. То, что носитель языка приобретает в ходе своей социализации, взрослый неноситель языка должен получить в виде схемы выбора той или иной вариантной формы, которая более всего соответствует его речевой интенции и ситуации общения. Поэтому одной из задач семантико-функционального синтаксиса является моделирование

условий выбора наиболее адекватной единицы из того вариантного ряда, который имеется в изучаемом языке.

2. Ориентация на коммуникацию обусловила ведущую роль синтаксиса в семантико-функциональной грамматике как системы, интегрирующей все другие уровни и единицы языка: в данной модели очень востребованы идеи о взаимодействии грамматики и лексики, о частеречной классификации лексики, о выделении лексико-грамматических разрядов слов.

3. Практически ориентированный синтаксис обязательно должен использовать результаты сопоставительных исследований родного языка (или языка-посредника) и изучаемого языка.

Как известно, в процессе овладения иностранным языком учащийся постоянно обращается к системе родного языка, к тем языковым категориям, посредством которых в его сознании ранее уже нашла свое отражение объективная действительность. При системном учете в учебном процессе результатов анализа категорий родного и изучаемого языков родной язык «из неизбежного и беспощадного конкурента иностранного языка становится опорой усвоения языковых значений его структур» (Гальперин 1972: 67). Многие грамматические категории представляют собой межъязыковые универсалии, которые передаются различными способами в зависимости от типологии конкретного языка, поэтому овладение иностранным языком идет по линии коррекции уже имеющихся у студента знаний по грамматике родного языка и/или языка-посредника.

Каждая новая единица изучаемого иностранного языка как бы попадает в уже готовую «ячейку» и размещается в ней вследствие общности семантики знаковых систем разных языков. В тех случаях, когда ячейка не обнаруживается, она легко создается с помощью арсенала средств мышления, который базируется на владении родным языком (Шубин 1963: 60).

Выявленные в результате сопоставительных исследований межъязыковые сходства и расхождения позволяют предвидеть и наиболее эффективным образом преодолеть типичные трудности, которые возникают в процессе овладения грамматикой изучаемого языка у учащихся той или иной национальности. Часто подобные трудности обусловлены даже не отсутствием в языке-цели категорий, представленных в родном языке учащегося, а различным внутренним подразделением семантики и функционирования форм, имеющихся в обоих языках. В связи с этим факты изучаемого и родного языков должны сопоставляться не прямолинейно, а в нескольких планах:

1) в плане описания способов и особенностей выражения того или иного общего грамматического значения;

2) в плане содержания, когда рассматриваются случаи передачи семантики той или иной грамматической категории или формы, отсутствующей в одном из сопоставляемых языков;

3) в плане функционирования, когда единицы с одинаковым значением по-разному используются в сравниваемых языках.

Поэтому при разработке учебного грамматического материала преподавателю полезно знать, как передаются универсалии в изучаемом и в родном языке (или языке-посреднике) учащихся (Пете 1991).

В целом, говоря об учете родного языка в практике преподавания языков как иностранных, мы имеем в виду не столько постоянное сопоставление параметров двух языков или использование родного языка (языка-посредника) на занятии, сколько предварительное изучение проблем взаимодействия языков в сознании обучаемого, которое осуществляется высококвалифицированным преподавателем в процессе разработки курса (спекурса) занятий.

4. Итоги основанного на перечисленных выше теоретических принципах сопоставления синтаксических систем русского, английского и венгерского языков представлены в нашей монографии (Копров 2010). Здесь отметим только один установленный факт: 12 инвариантных семантических структур в русском языке выражаются 77 типами простого предложения, в английском – 33, в венгерском – 35. Как видим, русский синтаксис отличается намного большим разнообразием семантико-структурных типов предложений.

Поскольку для венгерских студентов в условиях глобализации первым иностранным языком часто является английский, его сопоставление с родным языком может существенно облегчить процесс овладения русским языком как вторым иностранным (Адам 2011).

В настоящей статье рассмотрим подробнее средства выражения одной из важнейших семантических структур – «**субъект – действие – объект**» – в русском языке на фоне английского и венгерского языков. Поскольку предложения с субъектно-объектной семантикой представляют все выделяемые в традиционных грамматиках типы конструкций, изучение их устройства имеет особое значение для семантико-функционального синтаксиса.

1. Состав семантико-функционального поля субъектно-объектных отношений

В русском языке данное семантико-функциональное поле выражают следующие синтаксические конструкции:

- 1) личная активная: *Она приоткрыла жалюзи;*
- 2) определённо-личная: *Завтра оформлю кредит;*
- 3) неопределённо-личная: *Квартиру отремонтировали;*
- 4) трёхчленная пассивная (вербальная и партиципальная): *Договор подписывается / был подписан сторонами в двух экземплярах;*

5) двучленная пассивная (вербальная / партиципиальная): *Текст договора переводится / переведен на венгерский язык;*

6) трёхчленная безличная: *На рассвете туманами затопило землю;*

7) двучленная безличная: *Крышу дома унесло.*

В **английском** языке данное поле представлено тремя конструкциями:

1) личной активной: *Maybe I broke a glass;*

2) трёхчленной партиципиальной пассивной: *The dog had just been captured by my father;*

3) двучленной партиципиальной пассивной: *Many expensive houses were being erected.*

В **венгерском** языке данное поле составляют следующие конструкции:

1) личная (активная): *A család lakást takarít;*

2) определённо-личная:

а) определённо-субъектная: *Eltörtem a lábamat;*

б) определённо-объектная: *Te lököd;*

3) неопределённо-личная: *A ház felépítették;*

4) пассивная: *A ház a kőművesek által lebontott;*

5) двучленная пассивная (деепричастная) конструкция: *Be van törve az ablak.*

Сопоставление полей субъектно-объектных отношений в трёх языках выявляет сходства и различия в составе их компонентов.

В центре данного поля во всех сопоставляемых языках находится личная активная конструкция. В русском и венгерском языках широко представлена неопределённо-личная конструкция. В этих же двух языках функционируют определённо-личные предложения (определённо-субъектные, а в венгерском языке – и определённо-объектные). В английском языке определённо-личная и неопределённо-личная конструкции отсутствуют. Пассивные конструкции (трёхчленная и двучленная) в русском языке представлены вербальным и партиципиальным частеречными типами, в английском – только партиципиальным типом. В венгерском языке в качестве пассивной регулярно используется деепричастная конструкция. Специфику рассматриваемого русского поля составляют безличные конструкции.

2. Синонимические ряды в поле субъектно-объектных отношений

Как показал анализ фактического материала, в семантической структуре рассматриваемых предложений возможны шесть комбинаций субкатегорий субъекта и объекта:

1) субъект-антропоним – действие – одушевлённый объект;

2) субъект-антропоним – действие – неодушевлённый объект;

3) субъект-зооним – действие – одушевлённый объект;

4) субъект-зооним – действие – неодушевлённый объект;

5) субъект-каузатор – действие – одушевлённый объект;

6) субъект-каузатор – действие – неодушевлённый объект.

Синтаксические конструкции, объединённые по принципу общности выражаемого подтипа семантической структуры (1)-(6), составляют шесть **синонимических рядов**.

Однако между конститuentами поля в сопоставляемых языках выявляются и существенные различия: не все из них находятся в синонимических отношениях между собой.

В **русском** языке личная активная, трёхчленная пассивная вербальная и обе партиципиальные конструкции входят в состав всех синонимических рядов (1)-(6), так как в них может фигурировать субъект любого субкатегориального типа, и, следовательно, они отличаются самой широкой синонимичностью: *Мальчик (собака / течение) принёс утку / палку – Утка / палка была принесена мальчиком (собакой / течением) – Утка / палка была принесена.*

Двучленная пассивная вербальная конструкция «подключается» к указанному синонимическому ряду, если в её объектной позиции находится неодушевлённый объект, а в качестве имплицированного выступает субъект-антропоним, зооним или каузатор: *Палка приносится (мальчиком / собакой / течением).*

Неопределённо-личная и личная активная конструкции вступают в синонимические отношения с перечисленными выше предложениями только тогда, когда последними выражается субъект-антропоним: *Утку / палку принесли – Мальчик принес утку / палку – Утка / палка была принесена мальчиком – Утка / палка была принесена.*

Напротив, безличные конструкции будут синонимичны исходному ряду конструкций, только если ими выражается субъект-каузатор: *Утку / палку принесло течением – Утку / палку принесло – Течение принесло утку / палку – Утка / палка была принесена течением – Утка / палка была принесена.*

Таким образом, в русском языке только личной активной, определённо-личной, трёхчленной пассивной вербальной и обеими партиципиальными конструкциями выражаются все шесть подтипов рассматриваемой семантической структуры. Двучленной пассивной вербальной конструкцией реализуются подтипы (2), (4), (6). Остальными конструкциями обозначается только по два подтипа семантической структуры: определённо-личной и неопределённо-личной – (1) и (2); трёхчленной и двучленной безличными – (5) и (6).

Для **английского** языка, в отличие от русского, подобная субкатегоризация актантов синтаксически не релевантна, поскольку здесь все три имеющиеся в соответствующем поле конструкции **синонимичны** друг другу при любом лексико-грамматическом наполнении их субъектных и объектных позиций: *The boy / dog / wave pushed the girl / ball – The girl / ball was pushed by the boy / dog / wave – The girl / ball was pushed.*

Для **венгерского** языка важно противопоставление двух субкатегорий

субъекта: антропонима и неантропонима (субкатегории, объединяющей зооним и каузатор). Здесь, как в русском языке, субъектом личного предложения может выступать любая конкретная потенциальная субстанция: *Viktor / macskám nem iszik semmiféle szeszes italt* (*Виктор / моя кошка не пьёт спиртные напитки*). Агенсиом неопределённо-личного предложения, как в русском языке, может быть только субъект-антропоним: *Még nem láttamozták az útleveletem* (*В моем паспорте ещё не поставили визу*). В деепричастном предложении категориальная характеристика субъекта нейтрализована: *A ruha el van szakadva* (*Одежда разорвана*).

Ср. венгерские синонимичные личное, неопределённо-личное и деепричастное предложения: *A kőművesek a városban sok új házat építettek* (*Каменщики построили в городе много новых домов*) – *A városban sok új házat építettek* (*В городе построили много новых домов*) – *A városban sok új ház fel volt építve*.

3. Средства выражения субъектно-объектных отношений в категориально-грамматическом аспекте

При анализе предложений в релятивно-структурном подаспекте мы исходим из положения о том, что в языках номинативного строя «поверхностное» оформление актантов осуществляется не только в соответствии с их ролями в семантической структуре предложения, но и с семантикой «категориально-грамматической рамки», накладываемой на актанты в процессе порождения высказывания.

Рассматриваются следующие грамматические категории:

- 1) залог и залоговость;
- 2) подлежащность / бесподлежащность и соотнесенная с ней в русском и венгерском языках категория личности / безличности;
- 3) определённость / неопределённость (обобщённость) актантов.

3.1. **Залог** – это синтактико-морфологическая категория, поэтому её анализ неразрывно сопряжён с изучением семантико-структурного устройства предложения. При этом синтаксическая составляющая залога для языков номинативного строя является универсалией, а морфологическая варьирует от языка к языку. Синтаксическая сущность категории залога заключается в возможности **изменять соответствие** между двумя рядами компонентов: актантами семантической структуры предложения (субъектом и объектом) и компонентами синтаксической структуры предложения (подлежащим и дополнением).

Если в реальной предметной ситуации и отражающей её семантической структуре предложения действие всегда направлено от его производителя (семантического субъекта) к объекту, то в синтаксической структуре выражающих её залоговых конструкций эта направленность может или сохраняться, или изменяться на противоположную.

В **действительной** (активной) конструкции в качестве носителя

глагольного признака – подлежащего – выступает субъект, в качестве зависимой субстанции – дополнения – представлен объект. Грамматическая направленность признака от подлежащего к дополнению – «центробежность» – совпадает здесь с ситуативной (реальной) направленностью действия от субъекта к объекту. Тем самым ситуативная роль субъекта как производителя признака получает грамматическую поддержку, т. е. усиливается, и в позиции подлежащего субъект приобретает признак **«активность»**: *Мальчик сломал игрушку.*

В **страдательной** (пассивной) конструкции в качестве носителя признака – подлежащего – выступает объект, а производитель действия – субъект – представлен дополнением как зависимый компонент. Грамматическая направленность признака – «центробежность» – противоречит здесь его ситуативной направленности, которая выглядит здесь как «центростремительная» (от дополнения к подлежащему). Тем самым пассивный участник ситуации – объект – в позиции подлежащего грамматически как бы **«активизируется»**, а производитель воздействия – субъект – в позиции дополнения **«пассивизируется»**: *Игрушка ломается / сломана мальчиком.*

В **английском** языке категория залога представлена одной оппозицией форм: активная вербальная конструкция / пассивная партиципальная конструкция: *The boy broke the toy – The toy was broken by the boy.* Как показывает анализ фактического материала, категория английского залога отличается от русского более широкой сферой функционирования.

На наш взгляд, в **венгерском** языке существование залоговых форм поддерживается синтаксической оппозицией вербальная активная конструкция – деепричастная пассивная конструкция. Ср., с одной стороны, с английским языком, где залоговая оппозиция (активная вербальная конструкция – пассивная партиципальная конструкция) – единственная, и, с другой стороны, с русским языком, в котором категория залога опирается на более системное противопоставление актива двум формам пассива – синтетической (с глаголом на *-ся*) и аналитической (с краткой формой страдательного причастия).

Венгерский залог по количеству грамматических способов выражения пассивности (окациональная синтетическая и более регулярная аналитическая формы) располагается между русским (с его двумя категориально отмеченными формами) и английским (с его единственной аналитической формой), например: *Дело решается – Az ügy intéződik – The case is being solved; Дело решено – Az ügy el van intézve – The case has been solved.*

По разнообразию возвратных форм венгерский язык превосходит русский; по количеству оттенков залоговых значений, передаваемых конструкциями с возвратными формами глаголов, они приблизительно равны Ср. предложения в двух языках: *Ребенок причесывается – A gyermek fésülködik; Мой приемник сломался – Elromlott a rádióm; Мы уже раньше встречались – Már találkoztunk; Спектакль начинается в четыре*

часа – Az előadás négykor kezdődik; После лекций они вернулись домой – Előadások után (ők) hazatért (см. об этом подробнее (Копров 2012)).

Поскольку в венгерском языке сам факт наличия грамматической категории залога часто ставится под сомнение, обращение к уже усвоенной семантике и формам английского залога при изучении русского может помочь учебному процессу.

3.2. Для типологии русского простого предложения несомненный интерес представляет **категория личности / безличности**.

Анализ устройства русского **безличного** предложения типа *Ветром сорвало крышу* в терминах категории залога позволяет установить, что, с одной стороны, объект представлен здесь падежной формой как зависимая субстанция; в связи с этим можно говорить о центробежной грамматической направленности глагольного признака (хотя самого грамматического центра – позиции подлежащего – здесь нет). С другой стороны, субъект выступает не как независимая субстанция – грамматический носитель признака (подлежащее), а как другая зависимая субстанция – дополнение.

Таким образом, ситуативная направленность воздействия от субъекта к объекту получает в синтаксической структуре предложения только частичную поддержку, вследствие чего его семантика объединяет в себе признаки как активной, так и пассивной конструкций. Объект имеет здесь грамматический признак «**пассивность**» (как в личной активной конструкции), а субъект характеризуется как «**активно-пассивный**» или «**демиактивный**». В других сопоставляемых языках прямого эквивалента рассмотренных безличных конструкций нет.

3.3. Определённость / неопределённость (обобщённость) семантических актантов является одной из основных категорий устройства предложения. Грамматическая составляющая данной категории проявляется в асимметрии количества актантов семантической структуры и компонентов структурной схемы предложения. Функциональная сущность категории заключается в возможности эксплицитного или имплицитного представления актантов в предложении.

Актант, выраженный в синтаксической конструкции словоформой, одновременно с лексическим именованим получает грамматическую характеристику по линии категорий числа, рода и персональности. Данные категориальные признаки актантов встречаются в конкретных предложениях в различных комбинациях, но во всех случаях эксплицитный актант предстаёт как грамматически **определённый**: *Катерина Петровна осторожно перебирала пухлые бумажки* (К. Паустовский); *И вот сторож распахнул дверь фургона* (Г. Троепольский); *Столяры делали по её заказу столики, стульчики, полочки, кубики* (В. Кетлинская); *На ходу кто-то задевал кусты* (В. Шукшин); *Кто-то рвал дверь снаружи* (Ю. Нагибин); *Сзади меня кто-*

то тронул (А. Бек).

Имплицитность (неназванность) того или иного обязательного актанта в синтаксической конструкции не означает его полного отсутствия в предложении: в семантической структуре позиция актанта остаётся и мысленно заполняется **неопределённой** или **обобщённой** номинацией того предмета, который выполняет функцию этого актанта в выражаемой ситуации. В русском и венгерском синтаксисе личной активной конструкции с грамматически определённым агенсом категориально противостоит **неопределённо-личная** конструкция, в которой агенс лексически не выражен, например: *Этот дом построили в 1998 году – Ezt a házat 1998-ben építették.*

С точки зрения синтаксической формы данная конструкция является бесподлежащей (позиция подлежащего в её структурной схеме представлена имплицитно), поэтому согласования признакового компонента с агенсом не происходит. Отличительной чертой неопределённо-личной конструкции в русском и венгерском языках является фиксированная форма глагола – 3-е лицо множественного числа. В английском языке в силу его тотальной подлежащности подобная конструкция отсутствует.

Категория определенности / неопределенности актантов тесно взаимодействует с **категорией персональности** (лица).

В силу закона экономии речевых усилий в русском предложении избыточная местоименная форма персональности регулярно опускается, образуя особый вариант личных активных предложений – **определённо-личные**, точнее, определённо-персонально-субъектные предложения: *Проволочную петельку в приклад забью* (А. Иванов); *Ночью уберём его с поля* (А. Платонов).

В венгерском языке удельный вес глагольной формы в выражении персональности актантов выше, чем в русском: глагол во всех временах однозначно указывает на персональность актантов, причём часто не только субъекта, но и объекта. Вследствие этого местоименные показатели персональности субъекта и объекта регулярно опускаются, и в синтаксической системе венгерского языка широко представлены определённо-субъектные и определённо-объектные предложения. Ср. с русским языком: *Megkaptam a meghívását – Я получил ваше приглашение; Tanulom az orosz nyelvet – Я изучаю русский язык. látom – Я вижу его (eё); látlak – Я вижу тебя (вас).*

Таким образом, то, что в венгерском предложении передается одной глагольной формой, в других языках выражается двумя-тремя словоформами, ср.: *Várom – (Я) жду его – I wait for him.*

4. Таким образом, конструкции, составляющие синонимические ряды, выражают специфические наборы категориально-семантических признаков агенса. Эти признаки позволяют системно дифференцировать

синонимичные конструкции как внутри системы одного языка, так и в сопоставительном плане.

Так, в личной активной конструкции, являющейся ядерной во всех трёх языках, субъект характеризуется признаками «активность» + «определённость». В трёхчленной пассивной конструкции, наиболее широко представленной в английском и русском языках, субъект характеризуется признаками «пассивность» + «определённость». В двучленной пассивной конструкции, общей для всех трёх сопоставляемых языков, субъект выступает как «пассивный» + «неопределённый». В русской и венгерской неопределённо-личной конструкции субъект имеет признаки «активный» + «неопределённый». В русской трёхчленной безличной конструкции субъект характеризуется признаками «демиактивность» + «определённость». Наконец, в русской двучленной безличной конструкции он выступает как «демиактивный» + «неопределённый».

Выявленные сходства в семантике конститuentов одноименных синтаксических рядов в разных языках наглядно демонстрируют принципиальную возможность передачи грамматического содержания предложения с одного языка на другой при помощи однотипных конструкций.

5. Анализ **стилистического** аспекта функционирования средств выражения физического воздействия показывает, что в русском, английском и венгерском языках личные активные предложения стилистически нейтральны, поэтому они наиболее широко используются во всех стилях речи. Неопределённо-личное предложение характерно для русской и венгерской разговорной речи. Пассивные конструкции, особенно трёхчленная, чаще используются в книжной речи: в официально-деловом, научном стилях; в английском языке в целом они встречаются чаще, чем в русском. Русские трёхчленные и двучленные безличные предложения предпочитают в разговорной речи и в художественных повествованиях.

Заключение. Сходства в семантике конститuentов синонимических рядов в русском, английском и венгерском языках обуславливают принципиальную возможность точной передачи содержания предложения с одного языка на другой при помощи эквивалентных конструкций. Выявленные расхождения более рельефно оттеняют сложности, с которыми носители венгерского языка сталкиваются при изучении и переводе русских пассивных и безличных конструкций.

Таким образом, теоретические положения модели семантико-функционального сопоставительного синтаксиса, разработанной на основе учета практических потребностей обучения студентов иностранным языкам, в минимизированном и методически обработанном виде возвращаются в учебный процесс.

Литература

Адам, Е.В. (2011) Как знание английского языка может помочь студентам в освоении русской грамматики? // Вестник «Современный русский язык: функционирование и проблемы преподавания». №25. Будапешт. С.39-41.

Гальперин, П.Я. (1972) К психологии формирования речи на иностранном языке // Психолингвистика и обучение иностранцев русскому языку. М., Изд-во Моск. гос. ун-та. С. 60–68.

Копров, В.Ю. (2010) Семантико-функциональный синтаксис русского языка в сопоставлении с английским и венгерским. Воронеж, Издатель О.Ю. Алейников.

Копров, В.Ю. (2012) Русско-венгерские параллели в семантико-функциональном поле залоговости // Вестник «Современный русский язык: функционирование и проблемы преподавания». №26. Будапешт. С.91- 98.

Пете, И. (1991) Синтаксис русского языка для венгерских студентов-русистов. Будапешт.

Шубин, Э.П. (1963) Основные принципы методики обучения иностранным языкам. М., Учпедгиз. 189 с.